

18+

ВЛАДИМИР НОВОМЛИНЦЕВ

КАШГАР — ШАХТА ДРАКОНА

Владимир Новомлинцев
Кашгар — шахта дракона

«Издательские решения»

Новомлинцев В. И.

Кашгар — шахта дракона / В. И. Новомлинцев — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Кашгар — город с многовековой историей. Там китайские археологи нашли останки древней цивилизации, явно не китайской, более похожие на скифские захоронения. Когда-то в этих местах бывали известный русский разведчик Чохо Валиханов и знаменитый русский путешественник Н. М. Пржевальский.

© Новомлинцев В. И.

© Издательские решения

Содержание

В. И. НОВОМЛИНЦЕВ	6
От автора	7
Поездка в Синьцзян	9
В царстве Дракона	20
КНР — Поднебесная или Подневольная	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Кашгар — шахта дракона

Владимир Иванович Новомлинцев

© Владимир Иванович Новомлинцев, 2026

ISBN 978-5-0071-2175-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В. И. НОВОМЛИНЦЕВ

Кашгар — шахта Дракона

...Закон неубывания энтропии противоречит гомеостазису мироздания и поэтому является законом частичным, а не всеобщим. Дополнительным по отношению к этому закону является закон непрерывного воспроизводства разума. Сочетание и противоборство этих двух частичных законов и обеспечивают всеобщий закон сохранения структуры.

Если бы существовал только закон неубывания энтропии, структурность мироздания исчезла бы, воцарился бы хаос. Но, с другой стороны, если бы существовал или хотя бы возобладал только непрерывно совершенствующийся и всемогущий разум, заданная гомеостазисом структура мироздания тоже нарушилась бы.»

А. и Б. Стругацкие «За миллиард лет до конца света,»

«Резюме:

— человечество будет разделено на две неравные части по неизвестному нам параметру, меньшая часть его форсированно и навсегда обгонит большую, и совершится это волею и искусством сверхцивилизации, решительно человечеству чуждой.»

А. и Б. Стругацкие «Волны гасят ветер».

От автора

Название повести «Кашгар — шахта дракона» может вызвать у читателя откровенное недоумение. Конечно, кто-то слышал название ныне китайского города, кто-то может знать, что когда-то была такая территория — Кашгария, а более просвещенные вдруг вспомнят, что в столицу крайне закрытой для иноверцев страны Джеты-Шаар когда-то под видом торговца проник известный русский разведчик Чохо Валиханов и сумел уйти из Кашгара целым и невредимым. А вот английскому шпиону Якуб-бек приказал просто отрубить голову. Позже в тех местах бывал и знаменитый русский путешественник Николай Михайлович Пржевальский. Но в тот период Кашгария ослабла, а Якуб-бека уже отравили то ли родственники, то ли китайцы, а может, приложили свои руки англичане. Казалось бы, что нашему путешественнику, который возвращался после изнурительного похода в Тибет, проще было возвращаться на Родину через Кашгар, но там уже засели обнаглевшие китайские солдаты. Пришлось идти из Аксу через крайне опасный перевал Бедель к бесподобно красивому Иссык-Кулю.

Итак, Кашгар. Город с многовековой историей ныне привлекает большое количество туристов, историков и авантюристов. Город, окутанный туманом мифов и легенд, когда-то был центром притяжения торговцев и контрабандистов. После оккупации китайцы быстро взяли под свой контроль торговлю опиумом, контрабанда невероятным образом не только не прекратилась, а, наоборот, еще больше возросла. Китайским властям так и не удалось выявить все бесконтрольные каналы переброски опия в соседние страны.

Конечно, праздным туристам, посещающим Кашгар, это все интересно, но рвутся они посетить Мертвый город. Там китайские археологи нашли останки древней цивилизации, явно не китайской, более похожие на скифские захоронения. Местным властям тут последовал приказ из Пекина — закрыть доступ иностранцам в тот район. Местные коренные жители бережно хранят свои многовековые традиции и тайны. Ни китайцам, ни иностранцам ничего показывать не собираются. Самые закрытые из местных — это уйгуры. В отличие от кочевых народов у них многоукладное хозяйство, такое же, как у славян. Может они и есть те таинственные тохары, о которых все не умолкают споры среди образованных историков.

Автору, выросшему в среде азиатских народов, всегда удавалось найти общий язык практически со всеми представителями основных национальностей Центральной Азии и, что самое главное, всех сословий. А, учитывая их особенности национального уклада, разобщенности на племена, рода, подроды в каждом народе, эта задача для европейца не всегда может быть по силам. Надо прожить не один десяток лет, привыкнуть к их образу жизни, обычаям и никогда, ни при каких обстоятельствах не проявить какого-либо пренебрежения, особенно на бытовом уровне.

За основу своей небольшой повести автор взял непридуманный рассказ о судьбе двух уйгурских друзей, которые в силу внешних обстоятельств оказались в расцвете сил в разных государствах. СССР и Китай, две огромные страны, были втянуты в длительные беспощадные войны. Наши многонациональные народы воевали не только с иностранными захватчиками, но и под воздействием иностранного вмешательства были втянуты в гражданские войны, также принесшие неисчислимые бедствия для обоих государств. И когда совместными усилиями разгромили японских захватчиков, при активной помощи СССР победили антинародную клику Чан Кайши, казалось, что теперь оба великих государства пойдут по одному пути — строительство коммунизма, неожиданно даже заморских недругов Советский Союз и КНР стали врагами. Огромными усилиями дипломатов обеих стран была предотвращена война между двумя социалистическими странами. Кто виноват в том, что на острове Даманском погибали и советские и китайские солдаты? Как всего за несколько лет, китайская молодежь, боготворившая советских специалистов за помощь в создании многих современных отраслей промыш-

ленности КНР, воспитанная на советских книгах и кинофильмах, превратилась в ярых, безжалостных врагов? Почему китайцы в припадках безумства сжигали книги русских и советских классиков, пытались громить советское посольство в Пекине, а еще крушили памятники своей собственной тысячелетней истории? Можно было бы все списать на происки англо-американских спецслужб, но автор постарался провести собственное расследование причин многовекового цивилизационного конфликта между нашими народами. И даже не конфликта, а причин смертельной схватки цивилизаций, от исхода которой зависит судьба всего человечества на нашей планете.

Подобные вопросы возникли и у главного героя повести Ибрагима. Его борьба за выживание в крайне суровых условиях высокогорья, где он вынужден был скрываться долгие восемнадцать лет, заслуживает искреннего восхищения. И там, в горах, в своем убежище, неожиданно для себя находит ответы на многие вопросы не только о происхождении человечества, причинах вечной борьбы стран и народов, но и узнает шокирующую информацию о проводимых опытах над людьми глубоко под землей, в подземных туннелях Тянь-Шаня. Несмотря на смертельную опасность, Ибрагим спускается в туннель, где расположены биологические лаборатории внеземной цивилизации, и там... встречает свою настоящую любовь.

Поездка в Синьцзян

Возмущенный разум Брагина напрочь отказывался понимать происходящие в стране события. Еще недавно был гражданином великой страны, мог не сомневаться в своем будущем, строить планы на дальнейшие путешествия по Карелии, Сибири, Забайкалью. Теперь же, оставшись практически без средств на более-менее нормальное существование, пытался найти приличную работу, чтобы вырваться из замкнутого круга и не скатиться до положения абсолютно нищего, но крайне образованного (два высших образования) жителя нового государства Кыргызстан. В новом государственном образовании появилась масса псевдоисториков, которые сочиняли историю, основанную на оголтелом национализме, превозносило прежние заслуги своих соотечественников в мировой истории и культуре. Жалкие попытки Брагина обратить внимание киргизских ученых на необходимость действительного изучения истории своего народа, а народ действительно имеет древнейшие корни, конечно же, не принимались во внимание. Проще искать виновных в том, что Кыргызстан не Бавария, а виноваты во всем, конечно же, русские, которые десятилетиями «грабили» недра этого крайне свободолюбивого, доброго и демократического народа. Нет, претензий к киргизскому народу у него никогда не было. То, что население горной республики дожило до наших дней, сохранило свою самобытность и в тяжелейшие годы Великой Отечественной не осталось в стороне, не пряталось по горным ущельям — вызывает огромное уважение. Теперь же, в 1993 году от РХ, у власти оказались те, которым нужды народа «до лампочки», без зазрения совести распродавали все подряд, что имело хоть какую-то ценность. В соседний Китай по дешевке уплывали тонны листовой меди, изделия из черного металла, и редкоземельные. А ведь 80 процентов потребностей оборонки СССР в «редких» обеспечивала Киргизия. Но уже пал Советский Союз, а преобразованная Россия подверглась такому разрушительному нападению «новоявленных иуд», что, казалось, она и вправду может подняться только лет через 200, как злорадно предрекал Альфред Кох, один из банды внука очень известного и почитаемого в свое время писателя Гайдара. Расстрел из танков Белого дома в Москве развеял все иллюзии тех, кто хоть немного верил, что может победить демократия и Россия вольется в семью западных свободных стран, где царит изобилие, спокойствие и счастье для всех.

Уставшая душа не могла принять пропагандируемых новых ценностей. Боже! Брагин был человек неверующий, но, как и всякий русский, ожидал чуда. Чуда прихода коммунизма, чуда прихода на Землю Царства Истины и справедливости, чуда установления между всеми народами Земли братских отношений, победы светлых сил над темными. Но всего через пару лет после предательства в Беловежской пуще стало ясно, что человечество, по крайней мере на 1/6 части планеты отброшено опять в дикое состояние и, наверное, еще долгое время будет в нем пребывать. Откуда-то невероятным образом вылезла вся нечисть и практически захватила власть в стране, причем сразу и бесповоротно. 18 миллионов коммунистов, вооруженные самым верным учением, промолчали и через некоторое время стали прилюдно или втихаря сжигать партбилеты. Боевой отряд КПСС- КГБ отслеживал обстановку в стране, информировал обкомы и ЦК, но в ситуацию не вмешивался, хотя на тот период в полном распоряжении данной организации было несколько дивизий ВДВ. Ну да ладно! Что произошло, то произошло. Казалось, что служители культа отца, сына и святого духа как-то проявят себя, попытаются оградить паству от нахального и циничного напора сектантов, чародеев и всех прочих мракобесов. Ничего подобного! На всей территории СНГ были расклеены фотографии Марины Цвигун, которая позиционировала себя не более как Дэви Мария Христос, и пророчила, что в ноябре 93-го года свершится суд над теми, кто ей не верит и т. д. О прочих думать уже не хотелось.

Был ноябрь 1993 года. «Волга» медленно ползла на горной дороге Нарынской области в сторону Китая. Было не понятно, почему выехали на ночь глядя, ведь криминальная обстановка в республике была довольно далекой от идеала. Амнистия преступников, которые грабили и убивали вовремя Ошских событий 1990 года, породило среди определенных кругов молодежи чувство вседозволенности и безнаказанности. Наводнившие столицу мелкие группы молодых, здоровых парней из горных районов в поисках работы быстро превращались в преступные сообщества. Те, кто находил работу, сразу же попадали под пристальное внимание опытных уголовников. Продвигаемые ранее преступными кланами лица на высокие должности в МВД, прокуратуре, органах исполнительной власти мелкими пакостями не занимались — у них были более глобальные задачи — организация и контроль наркотрафика, продажа оружия и т. д. Но в приграничной с Китаем Нарынской области сформировалось несколько иное преступное сообщество, специализирующееся на грабеже дальнобойщиков, челноков, и мелких бизнесменов, ищущих способы заработка за счет простой спекуляции. Вот примерно к этой категории лиц компания, в которой был Брагин, принадлежала, т.е. к некой категории торгашей. На одной из выставок в Бишкеке руководитель ООО познакомился с представителями синьцзянских приграничных компаний и решил организовать канал поставки дешевого ширпотреба в республику в обмен на поставки в КНР ДВП и ДСП. Брагина пригласили в качестве переводчика, имеющего небольшой опыт в торговле с китайскими партнерами. Грустным раздумьям о судьбе исторической Родины никто не мешал. Водитель Виктор, бывший сотрудник КГБ, имел боевой опыт в Афганистане, внимательно следил за дорогой и не отвлекал своими негромкими нецензурными высказываниями в адрес состояния дорожного полотна. Второй пассажир был уроженцем Китая, но в незапамятные времена в составе своей большой семьи перешел границу СССР в районе казахского Хоргоса, и за тридцатилетний период полностью обрусел, хотя обычаи своего уйгурского народа строго соблюдал. Звали его незатейливо — Ильхом. Эта была его вторая поездка в Китай после распада Советского Союза. Ему предназначалось вести переговоры с местными тюркоязычными бизнесменами Синьцзяна.

Из глубоких размышлений Брагина вывел Виктор, предупредивший, что скоро начнется подъем на самый опасный перевал Долон и надо быть начеку. Но неожиданно за очередным поворотом возникла группа вооруженных людей. Брагин отметил, что дорогу перегородили не только крупными камнями, но и большими кусками выломанного асфальта. Прозвучало пара предупредительных выстрелов. Смысл направленных на автомобиль стволов без ясен без слов.

— Пригнитесь! — закричал Виктор и, добавив газу, направил машину прямоком на вооруженную толпу. От неожиданности кучка бандитов бросилась врассыпную, тем самым освободив узкий проход по краю дороги.

— Господи, пронеси! — с каким-то непонятным азартом прокричал водитель и промчался по краю пропасти. Сзади вновь послышались выстрелы, но стреляли уже вслепую, скорее всего для острастки. Автомобиль проехал на большой скорости еще пару километров и остановился под скалой, которая была естественным прикрытием.

— Мужики, там что-то осталось? — уже солидным басом спросил водитель. Конечно, осталось. Коньяк быстро разлили в три пластиковых стаканчика. После недолгой паузы Брагин произнес:

— Вить, ну ты даешь! Ты где так научился?

— Афган. Там не такое бывало. Захочешь жить — всему научишься. — философски заметил Сартов и, достав из-за пазухи маленький крестик, поцеловал его. — Со мной всегда. Как бабка повесила, так и не снимаю.

После пережитого понемногу ожил и Ильхом.

— У, проклятые кашкыры! — И что-то добавил на непонятном уйгурском.

— Да, ладно, Ильхом, не ругайся. Сейчас везде бардак. Вон, в России что творится. Возвращаются иногда те, кто еще в 90-м году уехал. Такое рассказывают. Мы там тоже не нужны.

Вроде бы, русские люди, а кричат приезжим, мол «возвертайтесь назад кулачье недобитое». А тут столетия несварение из-за разницы в подходе к хозяйствованию. Одни — земледельцы, другие — скотоводы. Одни торгуют на рынке, другие их презируют. Думаю, что в скором времени голод всех помирит. Чабаны научатся землю возделывать, земледельцы — скот выпасать. Нам то русским все привычно. Лишь бы не мешали, да не пробовали нас грабить. Долготерпения нам не занимать, но не дай Бог пробудить в нашем народе дремлющую воинскую силу. Всем достанется и кашкырам и сартам. — Произнес длинный монолог Брагин и откинулся на сиденье.

Ильхом возмущенно засопел. Видно, обиделся на «сарта», но промолчал, видимо вспомнил, что фамилия водителя Сартов. Разлил остаток по стаканам, причем себе лишь слегка плеснул на доньшко.

— Вот вы русские всегда такие — со всеми хотите в мире, а не получится. Все равно придется выбирать. Помогли бы нам от китайцев избавиться — сейчас был бы у вас был бы огромный щит от ханьцев в Азии. Так нет же, продал нас Сталин Мао в 49 году. Киргизы и казахи, конечно, нам не враги. Так, на бытовом уровне бывают стычки. Но и помощи от них мы никогда не дождемся. Нас-то совсем мало. Куда попрешь против миллиардного Китая, а вот вместе с Россией — другое дело! — произнес Ильхом и надолго замолчал.

Брагин немного подумал, стоит ли начинать бессмысленную дискуссию, но не стерпеть уже не мог.

Конечно, Россия огромная страна. Но сейчас самое главное, чтобы дальше ее не разрывали на куски. А то вон Тэтчер до чего договорилась. Мол, несправедливо, что такой огромной территорией владеет одна страна. Сейчас начнут дербанить российскую промышленность по отраслям. Уже шахтеры вдруг стали не нужны. Предупреждал Даниил Андреев, что и бывшие республики накинутся на Россию как свора собак, чтобы себе чего-нибудь отхватить. Правда, Россия и не такое переживала. Наверное, судьба у нее такая, — негромко произнес Виталий и тоже замолчал.

После перевала Долон, талантливо описанного Чингизом Айтматовым в романе «Тополек мой в красной косынке», дорога снова пошла вверх, и Брагин погрузился в тяжелые раздумья. Как историк, он понимал, что каждая нация переживает взлеты и падения, но не слишком ли часто выпадают страдания на долю русского народа. Когда же наступит долгожданный, обещанный разнородными предсказателями и астрологами мир. А может прав Мао со своей теорией волнового развития. Что же получается? Если реперной точкой для Китая, России и Запада является 1989 год, то Россия находится в начале резкого спада и продлится это испытание 30 лет. Только в 2019 году Россия вернется к доперестроечному уровню. Китай в этом году достигнет пика своего развития и медленно поползет вниз, оставаясь тем не менее в плюсовой зоне. Запад наконец-то начнет загнивать с 2019 году и тридцать лет будет в глубокой депрессии. Тридцать лет не будет зариться на наши богатства.

Но как поведет себя Китай через тридцать лет? Почувствовав приближающийся упадок, китайские лидеры опять попробуют на зуб российскую обороноспособность, как на Даманском. В принципе, тогда не только Даманский — по всей линии границы были провокации. В Москве китайские студенты устраивали митинги с цитатниками «великого кормчего», а здесь на пограничном перевале Торугарт тяжело ранили начальника советской таможни и пытались захватить в плен наших пограничников. Но до боевых действий не дошло. О событиях на других участках советско-китайской границы было мало что известно. В Советском Союзе как-то быстро забыли о подвигах советских пограничников, а вот китайцы нет. Десятерым из напавших на наши заставы были присвоены звания героев КНР. К 2019 году в Китае бывшие оголтелые хунвейбины состарятся, и будет им не до провокаций.

Однако, раскачать народ Поднебесной будет не сложно. Можно опять устроить голод, обвинить во всех бедах русский народ и многомиллионная людская лавина сметет все заставы и

опорные пункты вдоль границы России. Причем, направление их главного удара будет вычислить трудно из-за протяженности границы России и Китая, да и к тому времени желтолицыцы возможно будут иметь первоклассное оружие, и не только ядерное. Кстати, все ядерные испытания Китай проводит в Синьцзяне. Так что в Кашгаре нашу группу будут проверять особо тщательно. Да, если гуаньбу знают о прежней службе Сартова в органах, то провокаций точно не избежать. А чего им церемониться! У всех киргизские паспорта. Да к тому же отношения между Киргизией и Китаем обострились из-за «оспариваемых участков» на границе. Китайцы только и ждут, когда же российские пограничники уйдут восвояси. А все предпосылки имеются. Уж слишком они мешают южным наркобаронам.

Товар приходится провозить обходным путем. Да еще погранцы изъятый опий просто сжигают на кострах. С Ошским УВД наркобаронам проще договориться — милиция изъяла, сдала на хранение, а из хранилища неведомым путем зелье исчезает и попадает к тем же наркодельцам. Конечно, мелких торговцев ловят, но основная масса идет в Россию. Мистика! К тому же, как только Россию выдают из Центральной Азии, тогда вся китайская дипломатия навалится на бедный Киргизстан. И никто, никто им не поможет. Придется оспариваемые китайцами отдельные пограничные участки отдавать. Жаль, если отдадут район ледника Иныльчек, а это стратегические запасы чистой питьевой воды. По некоторым данным, запасов республике хватит лет на пятьсот. Это в том случае, если на территории республики совсем прекратятся выпадать осадки. Все пора спать, а то на востоке уже светлеет. И как Сартов выдерживает эту дорогу за рулем?

Проснулся Брагин в тот момент, когда машина уже мчалась по заснеженной трассе Кочкорского района. Здесь, на высокогорье, уже бушевала зима, исчезли пейзажи с тяньшанскими елями, не видно ни рек, ни озер. Где-то там слева, далеко в горах, располагалось таинственное красивейшее озеро Сары-Челек. Столько раз собирался Брагин с друзьями добраться туда. Да все в этой жизни не получалось. А теперь и подавно. За то время, пока Брагин спал, Сартов по дороге развил бурную деятельность. Сообщил о попытке вооруженного грабежа гаишникам, посетил ОВД, нацбезопасность и связался через пограничников с командованием Группы российских погранвойск. На вопрос как ему все это удалось, он молча достал из кармана удостоверение сотрудника спецслужб и добавил:

— Связи остались. Совсем новенькое и недорогое. Так что на обратном пути не будет больше приключений. Могли гады и по кабине шархнуть. Бог миловал!

После въезда в погранзону движение заметно замедлилось. Дорогу на Торугарт, слава Богу, еще расчищали, но разъехаться двум встречным машинам было нелегко. Дорожники экономили на топливе, а может просто его продавали дальнобойщикам. Просто и легко прошли пограничный и таможенный досмотр Киргизии и начали спуск к границе. Китайский пограничник встретил довольно неласково. Внимательно выслушал объяснения по поводу того, что, мол, имеются международные номера на автомобиле, а это значит, что разрешен въезд на территорию КНР воин отвечал односложно и категорично — нельзя! Пробовали призвать к совести — нельзя! Цитировали выдержки из международного права — нельзя! Позови старшего — нельзя. Может быть пару сотен долларов — нельзя! Промучившись с ним до обеда, приняли решение, что пересекают границу Брагин и Ильхом, а Сартову надо возвращаться в Бишкек и ровно через неделю в это же время он должен ждать их на КПП с киргизской стороны.

Небольшой приграничный китайский поселок жил своей жизнью. «Камазы» и «Мазы» подъезжали к весовой, а затем становились под разгрузку. Всюду слышался русский мат, бродили полупьяные водители, которым удалось разгрузиться и кое-что продать незаконно вездесущим уйгурским посредникам. Разношерстная толпа водителей ругали китайцев за их чрезмерное желание занизить вес груза, но те никак не реагировали. То ли не знали русского, то ли делали вид, что не знают. Среди этого хаоса Ильхом, оказавшись в родной торговой среде, наконец-то нашел соплеменника, причем им оказался начальник таможни. Они быстро

договорились, что до Кашгара можно доехать на автобусе, который везет китайских челноков. Переоборудованный автобус представлял собой некую передвижную гостиницу, в салоне были смонтированы что-то наподобие двуярусных кроватей. Так образом, челноки могли во время движения спать на кроватях с панцирной сеткой, особо не переживая за безопасность при движении по крутым склонам, есть и плевать в ведро у двери, демонстрируя удивительную меткость. Ведро стояло у выходной двери, где собственно Брагину и нашлось единственное место. Стиснутый со всех сторон, он никак смириться со своим положением, тем более что плевки постоянно проносились рядом с головой.

Можно действия китайцев оправдать их национальной чертой — харкаться повсюду и повсеместно, но как же постановление ЦК КПК о борьбе с этой позорной привычкой? Видимо, до Синьцзяна это решение партии не дошло или не овладело еще трудовыми массами. Пожилой китаец наконец-то сжалился над русским историком, подвинулся и знаками показал, что можно пристроиться рядом на кровати. Вот. Теперь можно было видеть пейзаж из окна автобуса. Но пейзаж был безрадостным — голые скалы окружали небольшое ущелье, внизу вилась небольшая речушка, больше похожая на азиатский арык, кое-где виднелись островки зелени. «Будь я режиссером — снимал бы здесь лунные или марсианские пейзажи» — вяло подумал Брагин. На новом месте было все-таки приятнее, и он был благодарен за это китайцу. Но спаситель вдруг решил рассказать историю своей семьи и о том, каким образом он, заслуженный учитель центральной провинции, оказался на краю Поднебесной, в среде не совсем дружеских таджиков и уйгуров в Таш-Кургане.

В знак благодарности пришлось изображать живой интерес к его рассказу. Китаец разошелся и уже поведал чужеземцу о ядерных испытаниях в пустыне, о том вреде, который приносит этот вид военно-исследовательской деятельности. Брагин обернулся с надеждой перевести разговор на другую тему, призвать на помощь в собеседники Муслимова Ильхома, но тот уже спал на втором ярусе. Смотреть на дорогу стало бесполезно, сумерки быстро сгустились в горном ущелье.

В свете фар по пути возникали какие-то небольшие населенные пункты, но названия их не было возможности рассмотреть. Лишь одно врезалось в память — Кекелике. Это по иероглифам. Промучившись над переводом около получаса, до Виталия Брагина дошло. Да это же кеклик, то есть невзрачная птичка, типа перепелки. Поселок Кеклик, в котором, видимо, живут киргизы. Наконец-то выехали на асфальтированную дорогу, как по волшебству возникли большие строения, увенчанные красными флагами и транспарантами с призывами к трудовым подвигам. Это уже настоящий Китай — Царство Дракона.

«И бай вань!». На самый простой и ясный вопрос о времени зарождения китайской цивилизации пекинский историк Шао отвечал коротко и безапелляционно — «И байвань» (миллион лет»). Брагин пытался вразумить упрямого китайца, мол, надо обратить внимание на данные археологии, по которым выходило, что возраст пекинского человека («бэйдзиньжень») около 600 тысяч лет. А он, пекинский человек, представлял собой разновидность питекантропа, то бишь синантропа. Но китаец, сразу было видно, что он из бывших хунвейбинов, не слушал доводов и крепко стоял на своем. Прошло уже несколько лет после дискуссий в Пекине. Союз развалился, или умело развалили, и теперь уже не было смысла спорить с китайскими специалистами в области истории. Россия в очередной раз подверглась вторжению темных и вновь была превращена в полигон сатаны для проведения самых изощренных экспериментов. Тем более, что посыпались как из рога изобилия новые научные и псевдонаучные данные о возрасте Земли, прежних цивилизациях, частично был расшифрован геном человека и т. д. Все в совокупности позволяло в какой-то мере более точно определить и время появления человека на Земле и определить ареалы его проживания в тот или иной исторический период.

Непонятные моменты о других, неизвестных цивилизациях сразу же были использованы уфологами в пользу палеоконтактов. Библиисты шибко забеспокоились. Резвые историки тут

же использовали новые научные данные в интересах политической пропаганды псевдоистории о величии народов, чьими представителями они являлись, или же начали отрабатывали денежки политических уродов, которым правда была не нужна. Как только обнаруживалось древнее поселение ариев на Ближнем Востоке — тут же подгонялась тяжелая строительная техника и поселение исчезало под тоннами грунта. Независимые археологи, а они были, изгонялись из РАН, объявлялись лжеучеными. Но, в основном, большинство «библеистов» ополчились на российских историков, которые пытались обратить внимание на то, что история русского народа началась не с крещения Руси. Китайцы, конечно же, никогда не признавали и не признают тот факт, что их история неоднократно подвергалась переделке, а затем вездесущие иезуиты подправили китайскому народу их историю и утвердили окончательный вариант.

Но это к слову! Да, еще, нельзя пробовать обратить китайских историков внимание на то, что бойницы их «великой стена» «смотрят» внутрь Поднебесной. Когда-то дыньлины заставили их таким образом строить стену, чтобы желтолицы не пересекали «черту оседлости» и не тревожили Сибирскую Скифию. Время завершения строительства стены было определено как «сотворение мира». Александр Сергеевич знал эту знаменательную дату и никогда не пользовался навязанной Петром Первым системой летоисчисления западноевропейских государств. Пять с половиной тысяч лет русской истории было наглým образом украдено. Ладно, большевики не вернули прежнее летоисчисление, понятно, что и церковь не была в этом заинтересована, но Сталин мог, но, видно, не захотел, или было не до того.

Как бы то ни было, но китайский дракон дополз до Тяньшанских гор, сожрав по пути Джунгарское ханство, и, разгромив Джеты-Шаар («Семиградье»), разлегся на огромной территории протяженностью в 5, 5 тысяч километров и замер в ожидании. Постепенно все малые народы приняли китайскую историю как свою родную, а кто не принял, например дунгане, были попросту уничтожены. Количество убиенных «хуэйцзу» во время так называемого Дунганского восстания цинскими войсками скромно замалчивалось, мол, что-то около 300 тысяч. А на наглое, по их мнению, заявление Брагина о 25—30 миллионах погибших, китайцы отреагировали предсказуемо — Брагина к архивам не подпускать и создать невыносимые условия для научной работы, здесь уж постарались китайские спецслужбы (у кого учились?). Собственно, и в своем государстве публиковать подобные данные было уже нельзя. Начинался новый этап развития «дружбы навек». События на Даманском стали стыдливо замалчивать.

Китайский дракон под руководством нового представителя ордена «черных драконов» вновь набирал силу. А при невиданном росте народонаселения уже представлял огромную опасность для соседних государств. В НОАК была пересмотрена тактика «воробыиной войны», учтены причины сокрушительного поражения 1979 года в войне с Вьетнамом. Остальные кланы «желтых», «белых», в общем разноцветных драконов отошли в тень и не мешали КПК в тесной связке с триадой начать новый 60-летний цикл возрождения величия Срединной империи и, в первую очередь, армии, конечно же, втихую от всего мира ускоренно проводить ядерные испытания в районе озера Лобнор. А тут и денежки Ротшильда подошли как нельзя кстати. Это, конечно, предположение. Но направление в политике изменилось после встречи товарища Чжоу с американским президентом. Главное в настоящий момент для России состояло в том, чтобы убедить китайцев в том, что рис в Сибири не произрастает, а еще имеются в запасе ядерные боезаряды. В этих условиях, южные республики бывшего СССР предсказуемо кинулись в объятья американцев и других западных «друзей», чтобы те взяли их под защиту от китайцев и от русских, которые их постоянно «грабили».

Кашгар! Последний оплот Дракона на Западе. Приехав в этот город, Брагин не ощутил величия представителей драконьей расы. Ханьцы разместились в охраняемых районах города, боязливо жались друг к дружке. Уйгуры чувствовали себя более уверенно и более развязано. Было видно, что взрывы, организованные сепаратистами в Кашгаре и Урумчи, запугали одних и воодушевили на борьбу за освобождение других. Правда, соотношение сил было явно не

в пользу уйгур. КПК это вам не Гоминьдан. Быстро голову оторвут, несмотря на явную поддержку сепаратистов со стороны вездесущих и наглых американцев. Для янки главная задача — взорвать внутривосточную ситуацию, столкнуть бедный Запад Китая с богатым Востоком. Но то, что прошло «на ура» в восточно-европейских странах и в России, здесь американцы столкнулись с довольно мощным сопротивлением со стороны китайских партийных и государственных органов и, в первую очередь, спецслужб.

Вечером в гостиничном небольшом номере, где возлежали Ильхом и Виталий, без приглашения и без стука вошли 4 китайца. Бесцеремонно разместившись за столом, братья-китайцы общемировым знаком руки показали уйгуру, мол, давай вставай. Учитывая соотношение сил, Ильхом с недовольным видом присел за стул, немного подумал и поздоровался, по-китайски, на всякий случай. Китайцы к Брагину интереса не проявили, как бы говоря, лежи и помалкивай. Он, конечно, не возражал и здороваться не стал ни по-китайски, ни по-русски. Скажи что-нибудь на китайском — сразу возникнут вопросы «А где ты учил наш великий язык?» В данной ситуации было лучше молчать, либо что-то промямливать, типа «Good evening».

Вместо предложения обсудить какие-либо коммерческие проекты китаец, видимо самый главный из них, задал Ильхому единственный вопрос, что он считает своей родиной. Ильхом, не раздумывая, как партизан на допросе у фашистских захватчиков, ответил — «Моя Родина — Советский Союз». Китайцы довольно заулыбались. «Так ведь нет уже СССР, значит, твоя родина Китай. Ну не Киргизия же, в конце концов!». Уйгур, загнанный в угол коварными ханьцами, замолчал. Брагин решил прийти ему на помощь и зависшую паузу заполнить обсуждением предложения киргизского комбината по редкоземельным металлам, модная довольно-таки тема. Старший рявкнул что-то типа «Заткнись!» и продолжил откровенный допрос обрусевшего уйгура.

Где, когда, при каких обстоятельствах он и его семья бежали в СССР. Тот довольно подробно рассказал о событиях того времени, когда случился тот массовый переход местного населения в Советский Союз. Перечислил всех своих родственников, довольно пожилых, которые остались в КНР по причине неспособности самостоятельно передвигаться, и назвал родных, ныне проживающих в Киргизии и Казахстане. Китайцам либо все это известно, либо вели скрытую запись беседы, так как в раскрытых блокнотах они ничего не помечали. «Ты же видишь успехи Китая. Теперь не мы, а вы приезжаете к нам закупать продукты, даже сахар и конфеты. Ну а холодильники, телевизоры и всякая электротехника у нас не хуже японской. В общем, давай, думай, как лучше помочь своей родине — великому Китаю». Чтобы сбить немного накал беседы Брагин предложил китайцам поужинать. Что, что, а поесть китайцы любят. В ресторанах им не нужна музыка и танцы. Процесс поедания всего, что раньше двигалось, летало, ползало, плавало, казалось, было их основой жизни и мировоззрения. А, впрочем, бог их знает, могли сказаться и голодные годы «культурной революции».

Китайцы переглянулись и радостно засобирались. Уходя, еще раз напомнили Ильхому о том, что ему надо хорошенько подумать и принять правильное решение. Виталий никак не мог понять действий китайцев. Зачем им это нужно? Ну не секреты же обороны Киргизстана им нужны. За три последних года самостоятельности Киргизстан под мудрым руководством американских советников и, в первую очередь сотрудников USAID, сумел в рекордные сроки развить промышленность, распродать все стратегические запасы сырья, правдами и неправдами вывезти из республики редкоземельные металлы.

Скорее всего, хитрых китайцев интересовал только один вопрос — расклад политических сил в республике и возможность формирования прокитайского лобби с далеко идущими целями в верхнем эшелоне власти. КНР все равно столкнется с перенаселением своей территории, и опять в ход пойдут утверждения китайских историков о том, Средняя Азия — историческая территория ханьцев, либо бедных китайцев ущемляют в азиатских республиках и им

нужна защита. Да мало ли что! Нужна будет на территории Киргизии, Казахстана, Узбекистана и пятая колонна для последующего ее захвата и размещение там жителей перенаселенного Восточного Китая.

Длительное время от подобной политики китайцев будет сдерживать присутствие в республике погранвойск России. Но этот вопрос, как и проживание довольно большого количества русского населения в республике с годами будут решены. Аскар Акаев, конечно, клялся в вечной дружбе с Россией, но при этом не забывал и западных друзей. Просил и получал помощь ото всех, про полученные кредиты от России и других стран быстро забывал. Ну а что возьмешь с бедных кочевников? Вот только он после избрания на пост президента посетил сразу не Мекку, как и положено правоверному, а полетел в Израиль, тем самым поставил крест на получение беспроцентных исламских кредитов. Арабы, как и положено, быстро забыли, где находится Киргизстан. Где-то там, около Алма-Аты. Наглый Мальтийский орден тут же предложил киргизам кредит на 20 миллиардов под залог недр Нарынской области.

Международная наркомафия, видимо, тоже рассматривала Киргизстан в качестве перевалочной базы — срок владения Великобританией Гонконгом подходил к концу, нужно было, на всякий случай, готовить запасной аэродром. К тому же, в советские времена в приисык-кулье выращивали опий-сырец, тем самым породив целое поколение наркоторговцев как местного, так и общесоюзного разлива. Связи, наработанные десятилетиями, остались, да и опыт подпольного бизнеса не пропасть.

Вечером Брагин посоветовал Ильхому пока не заморачиваться по поводу предложения китайцев, а просто тоже сходить на ужин и залить возникшие сомнения неплохим пекинским пивом. Но уйгур, сославшись на головную боль, улегся в постель, даже радостные крики в гостинице по поводу подачи на 1 час горячей воды (общенародная китайская ежедневная радость) не могли поднять его. Брагину ничего не оставалось, как после душа пригласить на ужин водителя, который доставил их в Кашгар. Время в Кашгаре было пекинское, как и по всей стране, так что можно было прогуляться по темным улицам города. В такое позднее время жизнь вокруг гостиницы кипела, местные граждане играли в бильярд, ели, пили и ругались не по-русски. Понять их было невозможно, практически звучала только уйгурская речь. Дети Дракона где-то прятались в своих кварталах и главенствовали только на экранах телевизоров.

Следующий день прошел в интереснейших переговорах. Для китайцев было очень важно, что «русские» бизнесмены прибыли в Кашгар за свой счет, сами разместились в гостинице, таким образом, на их содержание тратиться не надо. Представители производственно-строительного корпуса, которому была разрешена внешне-экономическая деятельность, беспрепятственно подписали около десятка проектов договоров на бартерные сделки, согласились решить вопросы о поставках в Киргизию товаров народного потребления высокого качества с обязательной проверкой и заверением письменно данного качества и т. д. После ужина в номер опять появилась пара китайцев, на лбу которых было явно написано «гуаньбу». Они наполнили Ильхому о своем предложении и предупредили его, что его ждет необычный сюрприз. Тот насторожился, но Брагин жестом показал ему, чтобы он успокоился и не вздумал артачиться в таком тесном гостиничном номере. Еще побьют, а могут скрутить и увезти куда-нибудь подальше, в Такла-Макан, например.

Как пояснили китайские «чекисты», сюрприз будет завтра, а сегодня можете отдыхать и смотреть телепередачи, одна из которых была на уйгурском языке. Виталий, после ухода китайцев, попросил Ильхома выступить в роли переводчика с уйгурского. Но тот, категорично заявил, что ведущие китайского ТВ, которые переводят с китайского на его родной язык, являются предателями и он не собирается уподобляться им, т.е. становиться таким же предателем.

На следующий день был обещанный сюрприз! «Сюрприз» явился в чистой, но довольно поношенной одежде. Седые волосы, морщинистое лицо, дрожащие руки, которые он пытался все время куда-то засунуть. Он долго вглядывался в лицо Ильхома и наконец произнес «Ни

хао», и добавил: — Салам, Ильхом! Ильхома словно парализовало, он пытался остановить нервный тик, неожиданно из глаз потекли слезы и наконец выдавил из себя: — Салам, Ибрагим! Они обнялись, долго друг другу трясли руки, пытались что-то прочесть в глазах. Сразу же стали разговаривать на уйгурском, прерывая какими-то радостными междометиями. Ильхом наконец вспомнил про Брагина и представил своего земляка. «Мой друг детства, Ибрагим». Ильхом сначала быстро одел кожаный плащ, шляпу, критически осмотрел свои явно недешевые туфли и сказал Брагину, что он с другом уходит и, скорее всего, вернется через пару дней. Виталий хотел было напомнить о предстоящих переговорах с китайским генералом — руководителем производственно-строительного корпуса, но передумал, решив, что и сам справится. Ибрагим был несколько смущен предложением Ильхома сходить в ресторан, но тот покровительственно похлопал друга по плечу, как бы говоря, что все в порядке, я при деньгах.

Последующие дни прошли в суматохе. Слава Богу, китайцу нашли первоклассного переводчика «Николая», который, как выяснилось позже, вместе с родителями пережил ленинградскую блокаду. В общем, и китайский и русский языки были для него были родными. Разночтения при переводе документов не предвиделось, и Брагин успел посетить несколько достопримечательных мест в Кашгаре. К тому же, Брагин пообещал китайскому переводчику о приоритете китайских фирм, с которыми тот работает, а также некий «откат» лично ему. «Николай» сразу все понял и начал активно помогать Брагину на переговорах. Он быстро исполнял любую просьбу, но предложение Брагина организовать поездку в «город мертвых» сразу отверг, мотивируя нездоровой обстановкой в Синыцзяне из-за активизации уйгурских сепаратистов. Правда, по секрету сообщил, что в следующий приезд Брагина он обязательно покажет ему могилу Исы. На недоуменный взгляд Виталия, он добавил, что, мол, не надо удивляться — Иисус похоронен в Синыцзяне, а не был распят в Иерусалиме. А вот в городе мертвых китайцы запрещают вести раскопки. Китайские археологи сами проводили раскопки, но там обнаружили нечто такое, что результаты сразу же засекретили и запретили приближаться к месту раскопок. Поговаривают, что там нашли следы древней цивилизации, не имеющей отношения к китайцам. Если это так, то надо пересматривать всю историю Поднебесной. Конечно, «Николай» считает себя китайцем, но вырос-то он в СССР и наполовину он русский. Кто еще из китайцев может гордиться тем, что выжил в страшные годы блокады? Таких нет, он один!

Ильхом вернулся задумчивый и как бы постаревшим. Долгое время молчал. Его не интересовали результаты переговоров. Долго ходил по номеру и неожиданно произнес: — Их надо убивать. Этого нельзя просить, никогда! Брагин напрягся, он никогда не видел Ильхома таким злобным и решительным. Когда уйгур успокоился, он спросил: — Кого ты убивать собрался? — Китайцев. Всегда и везде! Расскажу, когда домой поедем.

Все последующие пролетели быстро и однообразно. Переговоры, застолье, застолье, переговоры. Полковник полка долго не мог понять при подписании проекта договора, что 16 процентов это не то, как он считает — сумму контракта он увеличивает в 1,6 раза. Брагину было понятно, что китаец уже в уме просчитал прибыль и полка за посредничество, да и свою, видимо, тоже. Пришлось просить помощи у китайских бухгалтеров. Но те, как настоящие восточные барыги, математически правильно определили причитающиеся им проценты, но незаметно повысили цены на все товары. Зайдя в тупик, Брагин предложил пригласить на заключительную встречу китайского генерала, где и выяснить возникшее недоразумение. Надо отдать должное китайскому руководителю. Он что-то рявкнул, и в одно мгновение все было исправлено, и даже были принесены извинения. Брагин не удержался от удовольствия показать свой старенький калькулятор и посоветовал главному бухгалтеру выбросить свой компьютер. Ильхом молчал во время переговоров, был мрачнее тучи. Виталий напомнил ему, что он от имени киргизской компании заключает договоры и несет ответственность, а, мол, Брагин получит свои денежки за помощь, и поминай как звали. Это несколько его расшевелило, он даже согласился вместе пройтись по кашгарским магазинам. Надо же купить подарки и род-

ным, и руководству компании. Посещение рынка иностранцами — это событие для местных продавцов. Если уйгуры старались помочь в выборе подарка, то китайцы пытались втридорога что-нибудь всучить непотребное. Азия! Не умеешь торговаться — не ходи на рынок. Простaki им неинтересны.

Все! Наконец-то домой! Договорились за приемлемую цену, что Ильхома и Брагина доставят прямо на границу на служебной машине. Служебная машина оказалась нашей родной «Нивой» и на подъемах постоянно глохла. В общем, попали на погранпост вечером, где им китайские пограничники радостно сообщили, что ожидавшая их «Волга» на линии госграницы уехала. Было над чем призадуматься. Если в Кашгаре было около плюс восемнадцати, то на погранперевале Торугарт около двадцати ниже нуля. Причем, до погранпоста Киргизской Республики надо было подниматься вверх почти двенадцать километров. Слава Богу! Российские пограничники вовремя заметили «нарушителей» и под автоматами на ГАЗ-66 через полчаса доставили на погранзаставу. Но пересечь границу, оказалось, нельзя — начальник заставы спит и приказал не будить. И тут новое чудо! Прибыла из Бишкека правительственная делегация! Разбудили начальника заставы, который не хотел беспрепятственно пропускать ни Брагина, ни Ильхома на родную землю. Лишь вмешательство одного из членов делегации, который когда-то учился с Брагиным на одном курсе, помог-таки пересечь границу. А здесь ждал другой сюрприз. «Волга» 15 минут назад отбыла в Бишкек. На улице мороз и снег, на заставу и таможенню погреться не приглашают. Тогда Брагин упрямил начальника заставы по радиации отдать приказ не выпускать из погранзоны «Волгу» без объяснения причин, а водителя держать под дулом автомата на морозе. Чтобы не повадно было бросать друзей за семьсот километров от дома.

Кое-как загрузились в кабину КАМаза, где уже находилось пять человек, отбившись от доморощенных рэкетиоров, двинулись в темноте по еле видимой дороге, которую, к большой радости, преградило стадо яков. Яки на сигналы не реагировали, потихоньку плелись по долине, перегораживая дорогу. Сцена Брагину напомнила то, что описано у Стругацких в «Попытке к бегству». Неизвестная планета, стадо неизвестных животных, барахтающихся в снегу, и злобные птицеключи. Здесь все тоже самое, только птицеключей не хватает.

С Сартовым состоялся душевный разговор на явно не литературном языке. Брагин достал вино и, после выпитого, сразу все трое успокоились. Удобно разместившись в «Волге», Ильхом поначалу молчал, но потом его прорвало. Дорога тоже длинная, семьсот километров по горам. Сначала он высказал свое мнение в отношении китайцев, пересказал о приключениях своего друга Ибрагима.

— Ты лучше расскажи Виктору как тебя вербовали и что ты дальше-то будешь делать? — предложил Брагин.

— А что вам там не выделили временных жен? Это же традиция Кашгарии, — удивился Сартов.

На что Брагин скептически сказал: — Слава Богу! Живыми вернулись. Какие там жены?! Мы же не с караваном прибыли как Чохо Валиханов. А то вместо временных жен могли бы и голову отрезать, как английскому шпиону по приказу Якуб-бека. Я там таких страстей наслушался от местных уйгуров. Мол, китайцы, если ты на них не соглашаешься работать, вывозят в пустыню. Там долго издеваются, а они же мастера по пыткам. И если после этого не соглашаешься — то они просто убивают. И добавляют, мол, в китайских зынданах томятся наши русские туристы и бизнесмены. Понятно, что уйгурам нельзя верить. Но ненависть к китайцам очень уж хотят привить. А ты тут про временных жен талдычишь. Начитался рассказов про приключения русского разведчика.

После недолго молчания Сартов все же попросил подробно Ильхома рассказать о предложении китайцев. Внимательно выслушав его, Виктор произнес: — Разберемся. С той бандой, которая устраивала засады по дороге, пока вы там плов кушали в Кашгаре, разобрались. Я поднял местных чекистов и милицию. От российской группировки погранвойск выделили

бойцов и пару вертолетов. Короче, зажали банду в ущелье, половину перестреляли, половина пыталась уйти вдоль реки в другую область, но потом и они сдались. Так что едем спокойно».

На перевале Долон повалил снег. Водитель неожиданно поймал какую-то радиостанцию и в салон ворвался голос Радмилы Караклаич — «...падает снег». Посчитав это совпадение добрым знаком, Брагин уснул.

В царстве Дракона

Там, на Востоке, где восходит Солнце и родился великий кормчий, разразилась новая политическая буря. В столице царства Дракона развернулась ожесточенная межклановая борьба, стыдливо прикрываемая демагогическими лозунгами о начале новой эры, которая принесет якобы счастье многострадальному китайскому народу. Еще недавно, дети черного Дракона уверяли свой народ, что построят невиданное царство добра и справедливости, ненавистные прислужники Гоминьдана никогда не вернутся к власти — отсидеться за морем на острове им не удастся. Русские, эти старшие братья, на поверку оказались уже не теми коммунистами, которые готовы на любые жертвы ради победы коммунизма на всей планете. Лидера в СССР, равного товарищу Сталину, нет и не будет. Такие великие люди как он рождаются раз в десять тысяч лет. Поэтому китайскому народу необходимо самостоятельно, в одиночку, строить государства светлого будущего. Привыкший к политической демагогии, великий Мао придумал новый лозунг для простого народа («лаобайсинов») — «Три года упорного труда — десять тысяч лет счастья». Новая страница в истории Китая была открыта — началась эпоха «большого скачка». Этот политический лозунг был сразу же подхвачен на всех уровнях государственной власти. Слабые попытки возражения мало-мальски понимающих специалистов в экономике и промышленности были объявлены ревизионистскими. Советских специалистов, которые оказали по истине беспрецедентную помощь в становлении и развитии производства, выдворяли как классово чуждых элементов. Конечно же, о безвозмездной передаче Советским Союзом китайцам 11 тысяч документов на различные технологии, включая оборонные, было мгновенно забыто. Товарищ Сталин явно бы не одобрил действий Мао и нашел бы способ утихомириться драконита, но он уже лежал в мавзолее и злыдни готовили пересмотр значимости его великих побед над заморским серпентарием.

Итак, «большой скачок»! Невиданный энтузиазм китайской молодежи! 10 тысяч колодцев в пустыне Гоби? Выкопаем в короткий срок и превратим ее в цветущий сад! Повсеместно построим тысячи, десять тысяч доменных печей. Кому пришла подобная абсурдная идея, что подобным образом можно больше всех в мире произвести чугуна? Но, решение партии надо исполнять и китайские комсомольцы резво взялись за это. Воробьи, собачье отродье, съедают наш рис. Уничтожим!

Докатившиеся волны политических бурь из центра Китая в Синьцзяне были меньшими по размеру, но разрушительная сила их была не меньше. По всему Синьцзяну проходили митинги с красными флагами, демонстрации преданности компартии, поиск виновных — все атрибуты революционных преобразований. Коммунисты, комсомольцы и пионеры рапортуя о своей готовности построить новый мир. Для Ибрагима это время свершений. Лидер класса, комсомолец, наставник нового широкого невиданного движения тимуровцев. Пару лет назад переведенная на китайский и уйгурский языки книга Гайдара «Тимур и его команда» стала его настольной книгой. Есть пример — как надо строить новую счастливую жизнь. Надо жить по-тимуровски и бороться с врагами по-ленински! Он увлеченно пересказывает своим школьным друзьям содержание книги, создает отряд и начинает помогать одиноким старикам, инвалидам, очищает от мусора старые арыки и кетьюшками строит новые. А как же, вода в Азии, особенно в засушливом Синьцзяне это основа жизни. Активность «Тимура» -Ибрагима отмечается партийными функционерами и его выдвигают в комитет комсомола района, а потом и области. Ибрагим учится, работает допоздна, он лидер, но при этом не зазнается. Самая красивая в поселке Халида светится от счастья — ее жених лучший на этом свете. Она старается ему помогать, хотя явно не в восторге от того, что тот водит дружбу с китайцами. Его лучший друг Ильхом старается быть на него похожим, но не получается. Больная мать, младшие братья еще не способны в полной мере выполнять мужскую работу. Отец после ранения, полученного

во время войны с гоминьданом, плохо еле передвигается, часто после работы просто лежит под навесом у журчащего рядом арыка.

Популярность Ибрагима росла, но его старый отец Эмиль становился все мрачнее. Его, лучшего оружейного мастера в округе, обвиняют в том, что он не приветствует перемены в жизни страны, не радуется успехам сына, а целыми днями в своей кузнечной мастерской гремит молотком по наковальне и делает прекрасные ножи, ножны, не гнушается отладить старым людям нехитрые инструменты. На упреки сына по поводу аполитичности всегда отвечал: «Вот вырастешь — многое поймешь. Никогда китайцы нам не будут братьями.»

— А русские — братья? — Не сдавался Ибрагим.

— И русские не братья. Сейчас не братья. А были братьями. А вот будут ли они опять близкими для нас — покажет время.

Эмиль произносил эту раз несколько туманно, и Ибрагим с тяжелым чувством покидал мастерскую отца. Он долго переваривал слова отца о том, что китайцы им чужие и не потому, что уйгуры мусульмане. Причина в другом, причина кроется в глубокой древности. Пояснять это старый Эмиль не желал. «В этой стране может все поменяться!»

Уже через год Ибрагим после комсомольских собраний стал возвращаться поздно вечером, ужинал и долго молчал, игнорируя вопросы своих непоседливых братьев. Молчал и отец. Ибрагим как-то рассказал отцу о провале грандиозного плана по освоению Гоби. Не будет никакой цветущей долины. Из 10 тысяч вырытых колодцев, ни в одном не оказалось воды. С горечью поведал и о том, что действия доморощенных китайских технологов, вопреки указаниям советских специалистов, привели к катастрофам на сталелитейных заводах. Произошли взрывы, погибли люди, «10 тысяч лет счастья», видимо, откладывается на неопределенный срок. Последняя надежда — выплавка чугуна по всей стране. Построенные в Аксу, Кашгаре печи должны дать необходимый стране металл.

Эмиль укоризненно посмотрел на сына и спросил:

— Ты видел, как я делаю ножи, видел, из чего я их делаю, как закаляю? Ничего у вас не выйдет. Какой же дурак это придумал — выплавлять чугун в таких печах. Ладно, когда вы, как сумасшедшие, гоняли несчастных воробьев. Сколько других птиц погибло! Тогда о последствиях никто не думал. А здесь — наука! Тысячи лет отработывались технологии производства ножей и мечей. Да и вообще, лучше бы мне помогал. Я скоро ослепну в своей мастерской, а передать секреты мастерства некому. «Не этим же», — и рукой показал на копошившихся в углу младших братьев. «Тоже вон галстуки навешали на шею. Скоро вам китайцы вместо галстуков хомуты наденут или веревки. Сколько солдат-то своих нагнали в район. Что-то опять замышляют. Все повторяется, будет как в 34 году. Но тогда у нас реальный шанс был освободиться от китайского ига. Тогда Китай, по сути, был раздроблен. Да и Япония уже подбиралась к границам. Эх! Упустили мы свои шансы и в 34 и в 44 годах. Могли же, могли построить свое государство! А теперь жди от этих чего угодно. Думаешь, они нас пощадят. Свои планы провалят и начнут виновных искать.

Сестра приходила, предупредила, что китайцы какие-то списки составляют на молодых уйгуров. То ли в армию хотят забрать, то ли на какие-нибудь работы. Ты же знаешь, она в пайчусо работает, зря болтать не будет. Хорошо, что китайцы еще уйгурский не знают, а то бы давно ее оттуда выгнали. Ты поосторожнее с китайцами, лишнего не болтай, особенно про семью. В сороковых так же гоминдановцы составили списки на молодых уйгур, а потом вывезли их в пустыню и расстреляли», — проворчал старый Эмиль.

— Ну, что ты, отец! Нынешняя власть народная. Смотри — школы открыли, больницы, «босоногих врачей» выгнали, чтобы народ не обманывали. Ты бы хоть раз в кино сходил. Ну, например, «Золотой шатер» или «Белый дым». Там про нашу жизнь! Газет ты вовсе не читаешь. — Обрушился на него Ибрагим.

Старый мастер молча вышел на улицу, где уже разгоралась заря. Солнце готовилось выплыть из-за горного хребта, за которым вдали гремели политические баталии между Мао и его противниками. Сердце аксакала сжалось от тревожного предчувствия. Быть беде! Сколько же можно терпеть унижения от оккупантов! Он неторопливо оседлал коня, погрузил на него переметную сумку. На недоуменный взгляд сына негромко сказал, что ему надо кое-что проверить, а вернется домой только через два-три дня.

Открытие домны приурочили к очередному революционному празднику. Собрали весь партийно-комсомольский актив, трудовую молодежь, а пожилых людей свезли к домне на стареньких грузовиках, по бортам которых были прибиты красные транспаранты. Речь держал 1-й секретарь райкома, он долго говорил о трудовом подвиге, о мудрости партии и его великого руководителя. Наконец дождались разбора домны. Гробовое молчание повисло над толпой, когда стало ясно, что чугуна нет — какие-то мелкие шарики черного цвета. Это полный провал. Поползли слухи о вредительстве и сопротивлении классовых врагов. Как-то незаметно исчез первый секретарь и его приближенные. Машины разъехались, оставив пожилых жителей смотреть на развалины печи.

Очередной провал. «10 тысяч лет счастья» не будет. Затраты на безумные идеи привели к массовому голоду в Китае. Неурожай риса в провинции Сычуань. Расплата — 20 миллионов жизней. Количество жертв чудовищное. Лидеры компартии сразу же стали искать виновных. В итоге вину свалили на советское руководство, мол, оно потребовало рассчитаться за свои технологии рисом. Мао Цзэдун на время отошел от руководства КПК. Причины называли разные. Хрущев в данной ситуации мог легко повлиять на смену руководства КПК, но то ли сдуру, то ли по совету неких закулисных сил начал хвалить Мао, что в итоге привело к тому, что после очередного 8-го съезда КПК «кормчий» вернулся к руководству страной. И сразу же антисоветская истерия за короткий срок достигла своего пика. Постепенно голод прокатился по всем провинциям и дошел до Синьцзяна. Вот здесь и был найден гениальный выход — всех голодных и недовольных аборигенов переправить в СССР. Толпы отчаявшихся, голодных русских, уйгуров, казахов, киргизов, татар, хуэйцзу скопились на границе. Советские пограничники не знали, что делать. Не стрелять же по безоружной толпе. Прежняя система защиты границы не срабатывала. Да и никогда подобного прецедента не было. Постепенно создали некие КПП и стали пропускать многоголосую голодную массу внутрь страны. Проверка документов практически не проводилась. Да и как ее проводить? У многих не было ничего, кроме отчаяния. Какие документы? Решили, вести учет на основании устных заявлений беженцев. Конечно же это дало возможность бывшим гоминадановцам, кадровым разведчикам и их агентуре новой китайской власти спокойно проникнуть на территорию советских республик (Казахстан, Киргизия, Узбекистан), а далее и в РСФСР, поближе к атомным станциям. Попробуй разберись.

В этом полном безумии происходящего Ильхом смог невероятным образом переправить всю свою семью через границу. Но уже на советской территории вдруг вспомнили, что в суматохе забыли про деда Жумабека, который проживал в Уч-Турфане, и ему пришлось вернуться домой, но уже нелегально. Побродив в пустом доме, он вышел во двор, присел на лавочку и не заметил, как к нему подошел Ибрагим. Они обнялись и долго молча смотрели на закат. «Как твои родственники?», — наконец произнес Ибрагим.

— Все хорошо. Вернулся за дедом. «Орусы» обещали всем дать жилье и работу. Все дети будут учиться в школе. Русским там проще, к ним другое отношение, они же язык не забыли. — Произнес Ильхом и замолчал. Говорить было не о чем. Спрашивать друга о причине, по которой он остался в Синьцзяне, не стал.

— Как там Халида?

— Забудь про нее. Она стала еще красивее, родня у нее в Алма-Ате. Быстро пришли на помощь, приодели их, накормили. Помнишь, как она поет! Думаю, что там станет артисткой. Нам ввали, что все попадем в зиндан и там сгниём. Ничего подобного. Вот никогда не думал,

но русские из Китая нам здорово помогали, сами голодные, а делятся лепешками. Выживем! И думаю через пару лет встретимся.

Ибрагим встал и глухо произнес: — Прощай! Брат, ты крепись. Только не верь этим. Они же нас как скот на убой. Ильхому хотелось сказать другу что-нибудь ободряющее, но, вспомнив про деда, стал собираться в дорогу. Да какие там сборы. Опять попрощался с домом, прошелся по небольшому саду. И пошел по темной дороге навстречу своей судьбе. После он пытался вспомнить, как ему удалось полуживого деда дотащить до пограничного «Хоргоса». Вслед слышал только оскорбления китайских солдат. На КПП опять пришлось пройти процедуру оформления документов. Семья была направлена в Киргизию. Временно разместились в двух комнатах барака МТФ колхоза «Путь Ильича». Младших братьев сразу же определили в местную восьмилетнюю школу, где они стали учить русский язык. Сначала они были похожи на затравленных волчат, но постепенно привыкли и уже с удовольствием стали ходить в школу. Им было проще общаться с киргизскими мальчишками — ведь те тоже говорили на тюркском языке. Кое-как перезимовав, Ибрагим устроился в колхоз, где поначалу его использовали как грузчика. Но вот когда он показал систему орошения, принятую на его родине, бригадир тут же согласился выделить ему небольшую площадь для полива. Понаблюдав за Ибрагимом, бригадир через некоторое время добавил еще несколько участков и пришел в полный восторг, когда увидел результаты работы. Урожай по сравнению с другими участками превысил на 40 процентов. Председатель колхоза приказал в качестве премии выдать Ибрагим пять мешков муки, мешок риса, с десятков кочанов капусты, корзину моркови и целого барана. Старый отец радовался как ребенок, он не мог сдерживать слез. Давно в семье не ели плова и свежих лепешек! Раньше он не верил, что русские дадут возможность им просто выжить. А здесь такое богатство. Ильхом поделился еще одной новостью — к концу года правление колхоза может по итогам года еще выдать муку и мясо. Теперь уже можно было подумать о том, чтобы купить одежду младшим братьям, да и самому что-нибудь по приличнее. Он стал ходить с меньшими братьями в кино, потом решил, что надо взяться всерьез за изучение русского языка. Бригадир говорил, что поможет поступить в сельхозтехникум, но без знания языка — никуда. Вечерами его братья становились учителями и подтрунивали, когда он неправильно произносил то или иное слово. Помогали и русские староверы, пришедшие из Китая. Но они селились отдельно от остальных, близко к себе местных не подпускали. Строго соблюдали свои обычаи, детям запрещали вступать в пионерские организации, ходить на митинги и т. д. Но вот Ильхому, как своему земляку, помогали. На следующий год тот решил строить свой дом. В этом районе, как и в его родном селе, строили дома из саманных кирпичей. Он сам соорудил станок, вечерами заливал глину вперемежку с соломой водой, а утром до школы заставлял братьев делать замес и, по возможности, до работы помогал делать кирпичи. На южном солнце они получались крепкие, не ломались, когда их складывали в кучи, больше похожие на пирамиды. Труднее было достать пиломатериалы, рядом не росли большие деревья, в основном, тала да облепиха по берегам горной бурной реки. В селе много росло тополей, но каждый тополь был чей-то собственностью, так что приходилось надеяться только на правление колхоза, в ведении которого находилась лесопилка. Селение было основано русскими казаками еще в 19 веке и служило в качестве крепости. Во времена Столыпина сюда прибывали переселенцы из украинских и белорусских сел. А во время коллективизации в эту местность пригнали толпы раскулаченных сибиряков. В результате смешения в селе сложился свой, неповторимый славянский язык, приправленный расхожими киргизскими и немецкими словами. Бывшие военнопленные вермахта использовались в качестве рабочей силы при строительстве канала и лесопосадок. Бурная река, на берегу которой Ильхом строил свой дом, брала свое начало высоко в горах, там, где высились ледовые вершины. В ущелье, где гремела река, росли высокие ели. Но рубка леса производилась под строгим контролем государства. Так что с пиломатериалами была проблема. Но и эта проблема была решена. В основном, только благодаря упорному труду Иль-

хома и успехам младших в школе. Через два года, после приезда из Китая, был собственный дом, огород, несколько баранов, небольшой сад. Но, видимо, китайская зараза переползла в СССР и руководство КПСС объявили свой собственный «скачок» — через 20 лет построить коммунизм.

КНР — Поднебесная или Подневольная

Освоив китайский письменный язык, Ибрагим стал незаменимым исполнителем директив Пекина. Открывшийся литературный дар помог ему писать статьи сразу на 2 языках с разоблачением социал-ревизионистов, которые потом постепенно переросли в социал-империалистов. В Урумчи иногда записывали на радио его призывы к молодежи Синьцзяна — беспощадным образом противостоять врагам новой жизни. Новый фронт борьбы — противостоять политике Хрущева. Но свержение Хрущева с политического небосклона не принесло ожидаемого улучшения отношений с бывшим «большим братом». Да и советская пропаганда освоила новые формы. Особенно досаждала «мадам Кузнецова», в голос которой ранее были влюблены половина радиослушателей Китая. Надо было придумывать истории о подвигах китайской молодежи и псевдоистории о коварных советских коммунистах.

Леонид Брежнев, пришедший на смену Хрущеву, отказался участвовать в кровавом походе для уничтожения империалистов, и сразу же был объявлен первым и главным врагом Китая. Он посмел критиковать призыв великого Мао любой ценой уничтожить мир капитала. Даже если после ядерной войны останется всего 500 миллионов человек. Конечно же, эти оставшиеся в живых будут только китайцы, но они, именно они построят рай на земле — коммунизм. Против этой идеи выступили не только советские лидеры, но и главы практически всех компартий в мире. На вопрос о судьбе своей родины в случае ядерной войны британские коммунисты получили исчерпывающий ответ — надо жертвовать малым. Островное государство, скорее всего, погибнет. Но это будет уже неважно. А вот ядерное оружие надо было создавать своими силами. СССР наотрез отказался вооружить КНР этим дьявольским оружием.

Однако, постепенно энтузиазм Ибрагима стал иссякать. Лучший друг перебрался в Советский Союз, первая красавица Халида, не попрощавшись, тоже сбежала. Обычай «30 женихов» при новой власти уже не соблюдался. Вместо него китайцы нагло вводили свой обычай — «баоцзя», который, по сути, являлся круговой порукой и обязательной слежкой друг за другом. Все население разбивалось на небольшие группы по десять человек и старший должен сообщать в гуаньбу о всех неблагонадежных.

Отец Ибрагима вернулся через несколько дней после своего неожиданного отъезда в горы. Вернулся несколько повеселевший, даже стал улыбаться. «Ничего — выживем! Бывало и совсем плохо.» Но сыну так и ничего не рассказал, где он пропадал столько дней. Иногда старик подолгу смотрел в сторону пустыни и загадочно произносил: «А ведь там была цивилизация! Теперь китайцы хотят там создать оружие дракона. Один раз там уже попытались создать такое оружие, и новых людей-рабов пытались создать. Да вот, видишь, что получилось. Один песок да камни. Один Лобнор остался. Да и его эти безумцы погубят. За все придется отвечать. А какое райское место было!» Ибрагим совершенно не понимал, о чем говорит старый отец. Видно, совсем стал заговариваться. Дед перед смертью тоже что-то говорил о кровном родстве с русскими и алтайцами. Но его тоже никто не слушал.

— Вот ты, — обращался Эмиль к сыну, — часто катаешься из Аксу в Кашгар, а иногда и в Кульджу, и не задумываешься, что это за «город мертвых», кто построил древние курганы.

— Ты хочешь сказать, что сюда приходил проповедовать пророк Иса, и здесь похоронен? Ты же отец неграмотный, учебники по истории не читаешь, поэтому веришь в сказки. — Отмахивался от него Ибрагим.

— Ну, по поводу неграмотности можно и поспорить. Мы, кузнецы, как говорят в народе, общаемся с шайтаном, поэтому много знаем, побольше твоих китайских ученых. Они, конечно, понимают, что курганы нельзя трогать. А ведь не потому, что это не богоугодное дело. Твои любимые китайцы боятся узнать правду. Настоящую, без прикрас. Там, в Пекине правду знают только служители «черного дракона». Когда-нибудь, когда ты будешь готов, я тебе

открою тайну. Ты поймешь, как слеп был, а китайцы из тебя делают надсмотрщиком над нашим народом. Это все равно, что собака в стаде баран у кашкыров. Ты не знаешь, что означает Кашгар. Кашгар-Каши — это шахта богов, но я бы назвал его шахтой драконов. Придет время и наш народ узнает правду о таримской цивилизации. Китайцы, конечно, постараются уничтожить все следы нашего славного пошлого. А может решат и уничтожить всех уйгуров. Так им даже проще. Смотри — сколько прислали сюда китайских солдат. Батальон за батальоном. Людям есть нечего, а этих все больше и больше. Наверное, к войне готовятся. Зря они это затеяли. Русские помогли японцев разгромить, вооружили армию и помогли гоминьдановцев выгнать, а взамен такая благодарность. Русских я знаю, они воины, победить их нельзя. Ты знаешь, что границу уже перекрыли. Теперь и к русским не сбежишь. А если попытаешься — то расстрел на месте. Вот такая власть, которую ты любишь как свою невесту.

— Да откуда ты русских можешь знать? Ты же отсюда никуда не выезжал.

— Как-нибудь расскажу, когда прозреешь. Сейчас тебе бесполезно что-то рассказывать. Сейчас я тебе скажу, что твой любимый Гайдар — обыкновенный бандит, грабитель, так ты за винтовку схватишься. Да, Гайдар был не командиром полка, а был главарем шайки, которая грабила всех подряд на Алтае. Об этом мне рассказывали русские, которые бежали в Китай после гражданской войны. Он тоже, как и китайцы из клана дракона, а дракон защищает только своих до поры, а потом может и скушать. Поэтому-о он и получил пулю в печень от старого почитаемого в том краю старика. Так что, твои хозяева, китайцы, тебя тоже будут держать какое-то время, а потом на заклатие, как барашка, только в сторону Мекки при заклатии молиться не станут. У них другой бог, кровавый.

— Отец, почему ты все время говоришь, что они дети дракона. Они себя раньше называли сыновьями неба?

— Как же! Сыны неба! Да они историю переписывали десятки раз. Ты хоть знаешь, что Циньши хуанди казнил всех ученых и заставил написать новую историю. Почитай «Троецарствие», там есть упоминание о том оружии, которое они использовали. Сами изобрести такое они не могли. Теперь эти будут переписывать историю, древние книги им придется сжигать, да и храмы, скорее всего, разрушат. А как же? Конечно, будут.

— Оружие? Лук да стрелы, ну мечи и копья. Вот и все.

— А с чего это вдруг во времена танской династии вдруг появились и бумага, и компас. А открытия в Тихом и Индийском океанах?

— Хорошо, почитаю. Вот только станет в районе немного спокойнее.

— Спокойнее? Да ты просто слепой. Они нас в очередной раз захватили. И скоро в провале их безумных планов будут виноваты такие как ты. А только потом начнут разбираться, лет через пятьдесят, да и то, если у власти нормальные люди окажутся.

— Отец, ты ни одной работы не прочитал по теории марксизма-ленинизма, а пытаешься судить о роли личности в истории.

— А зачем мне изучать? Сталин — это личность. Его сам Мао побаивался.

Прошло несколько лет. Политические бури в Пекине не утихали. И вот новый поворот — «культурная революция». Обезумевшая молодежь с цитатниками, «огонь по штабам», костры из книг классиков, погромы, избиения учителей, преподавателей институтов. Весь мир замер в изумлении. Это социализм? Новый, невиданный по масштабам фашизм. «Хунвейбины», «цзаофане» грабили, убивали, насиловали. Спасения не было нигде. Безумство как зараза проникла во все слои общества. Предпринятые попытки провокаций китайскими студентами в Москве советскими властями были пресечены жестко и бескомпромиссно. Провокации на советской границе едва не привели к полномасштабной войне двух социалистических стран, на радость мирового капитала. Советские орудия залпового огня, беспримерное мужество пограничников на Даманском резко снизили воинственность китайских генералов. Более здравомыслящий Чжоу Энлай предложил провести встречу с советскими руководителями. Оста-

новились прямо на пороге катастрофы. Но внутри самого Китая вакханалия продолжалась. Конечно же, Синьцзян не остался в стороне.

Той памятной ночью прибежала сестра к старому Эмилю и путано объяснила, что Ибрагима собираются арестовать. Она умоляла быстрее, до рассвета, спрятать его где-нибудь в горах. Эмиль все понял, разбудил сына, оседлал коня, погрузил на него переметную сумку и молча указал на дорогу. Поначалу они ехали вдвоем на старом мерине, но когда тот притомился, Ибрагим слез с коня, и, наконец, спросил: — Куда это мы?.

— Потом, потом, все объясню. Сначала заедем на стойбище к Семетею, передохнем и дальше в горы. У Семетея лучше тебе молчать, я сам ему все объясню.

Через несколько часов, когда солнце выглянуло из-за скалистого гребня, беглецы добрались до стойбища казахского чабана. Тот, услышав лай собак, выскочил из юрты с английской винтовкой, но признав старого знакомого, опустил ствол и знаком пригласил в свое жилище. При свете лампы жена собрала нехитрый завтрак, выскочила на улицу разогревать чайник. Дети чабана, привыкшие к ночным тревогам, ничего не слышали и спали в ворохе старых одеял. Эмиль и Семетей вышли из юрты и о чем-то долго разговаривали. Старый казах все время показывал рукой на запад, где громоздились высокие горы. Там, за ними была страна Советов. Там было спасение. Но Эмиль, показав на узкое ущелье, произнес: — Там мы тебя спрячем на время. Когда все успокоится, я вернусь за тобой. Без меня ни шагу. Семетей, старый друг, он не выдаст.

Из ущелья дул холодный, пронизывающий ветер. Справа от стойбища навис ледник, подкрашенный восходящим солнцем, он казался Ибрагиму кровавым. По дну ущелья протекала небольшая река. С левой стороны от нее начинался темно-зеленый лес. Тянь-шаньские ели попеременно с густым кустарником гордо высились на склоне. За лесом просматривались луга, где бродила отара овец. Дальше — неприступные скалы. В ущелье чувствовалась первозданная свежесть и Ибрагиму, чуткому к природной красоте, не хотелось думать о причинах своего бегства. Путь к неведомой цели оказался томительным и долгим. Тропинка петляла вдоль реки, а затем ушла резко вправо и начался крутой подъем. Ибрагим пытался запомнить дорогу, определить свое местонахождение, но потом полностью расслабился и бездумно брел вслед за то и дело спотыкающимся конем. «Хорошо, что отец коня спрятал, когда создавали коммуны. Тогда же, кроме кур, все подлежало обобществлению. Думали, что скоро построим коммунизм. Вот тебе и построили.» С такими мыслями он поднимался все выше и выше. Неожиданно тропа закончилась, коня отец привязал к кусту арчи и начал подъем по морене. Камни, покрытые мхом, были скользкими, поэтому приходилось быть крайне внимательным, чтобы не переломать ноги. После морены ущелье стало несколько шире. На дне ущелья опять змеилась речка. Пройдя очередной поворот, отец остановился и что-то долго искал в стелющейся по земле арче. Наконец с торжественным видом он вытащил грубо сколоченную из горбылей лестницу и приставил ее к отвесной скале. С большим трудом поднялся не небольшую высоту и исчез. «Давай за мной. Только осторожней, лестница старая. Потом новую сделаешь». Ничего не понимая, Ибрагим поднялся наверх и ахнул. На высоте трех метров была довольно обширная площадка. Только потом он заметил узкий проход в скалу и с трудом протиснувшись оказался в довольно просторной пещере. В подземелье было довольно светло. Дневной свет проходил через отверстие, похожее на каменную трубу. Справа от входа была каменная ниша, наполненная водой. Отец скинул с плеч мешок и уже возился с железной печкой, пытаясь разжечь ее хворостом. Наконец это ему удалось. Он неторопливо набрал воды и поставил на плиту закопченный чайник. — Все на месте, — удовлетворенно произнес он. — Значит, будешь здесь жить сколько надо. Помоги мне разобрать завал, я тебе кое-что объясню, и надо спускаться. Конь там зажался.

Быстро разобрали завал и очутились в просторном помещении. Ибрагим при слабом освещении увидел небольшой стол, в углу нечто похожее на лежанку покрытую старыми шку-

рами, нагромождение каких-то ящиков. Отец по уступу поднялся наверх и сдвинул каменную плиту. Яркий свет ворвался в пещеру.

— Вот тебе и окно. Потом сам разберешься. Пошли пить чай.

Они опять протиснулись в предыдущий зал, съели по половинке лепешки, запили крепким чаем.

— Все. Я домой. Ты пока здесь осваивайся. Продуктов хватит тебе на месяц. Там в ящиках оружие. Без меня не трогай. Вернусь через пару недель все объясню. Так, еда есть, вода есть, спустишься вниз, там недалеко горячий источник, вода стекает в небольшой водопад. Пара в холодную погоду не видно.

Он обнял сына и стал спускаться по лестнице.

— Да, лестницу на ночь поднимай наверх. Мало ли что.

— Спасибо, отец! — только и сказал на прощание Ибрагим, и из глаз потекли слезы.

Всю неделю Ибрагим изучал свое новое жилище. С тоской смотрел в сторону долины. Но в ущелье гулял только ветер, покрикивали альпийские галки, иногда свистел сурок, видимо, еще не нагулявший жира. Ночами вершины гор иногда покрывались снегом, но днем снег таял. Приближалась осень. Надежды на то, что приедет отец и сообщит, что все было ошибкой и его ждут на работе, оставалось все меньше. Он постоянно вспоминал споры с отцом, пытался в словах старого отца найти слабые места, но все четче понимал — отец прав. Возврата к прошлому не будет. Никогда не вернутся назад его друзья, соседи и быstroногая Халида. Действительно, руководство партии сошло с ума. Все так красиво начиналось. Какие лозунги, обещания, праздники. Ведь реально же жизнь в районе становилась лучше. От перспектив дух захватывал. И вот итог. Жизнь в пещере, страх за своих близких, оставшихся там друзей, в конце концов, страх за свою собственную жизнь. Если бы погибнуть в бою, быть окруженным врагами, но стоять насмерть! А здесь, в одиночестве считать дни, вскакивать ночью от любого шума, хвататься за винтовку и ждать рассвета, чтобы вскипятить чай и поспать пару часов на топчане, закутавшись в какие-то старые лохмотья. И все-таки приученный в детстве к порядку, он решил соблюдать некий режим дня. Вставать, умываться, делать зарядку, готовить завтрак. Он несколько раз спускался вниз, обследовал горячий источник. Там он натаскал камней и сделал запруду, удалось углубить яму, куда стекала горячая вода и получилась что-то похожее на корыто, где можно было помыться и постирать одежду. Ибрагим выяснил, что кипяток просачивается из глубокой трещины и если сделать желоб, то вода, протекая по нему, будет остывать и пара зимой не будет видно. Проблему с дровами надо было решать немедленно. Начнутся холода, выпадет снег, и не выживешь. Он никогда не ходил в горы и не знал, что ждать от часто меняющейся на такой высоте погоды. Поначалу он притаскивал охапки сухой арчи, потом понял, что нужны толстые сучья. До елей было довольно далеко и был риск попасться на глаза скотоводам. Поэтому он затемно выползал из пещеры, добирался до леса, где делал заготовки. Хорошо, что в ящиках он нашел топор, ножи и ручную пилу. Инструмент не был похож на тот, что делают в Китае. Но назначение его было одинаковым. Он нашел даже брусок и поздними вечерами точил топор и ножи.

Прошла неделя, закончилась вторая. Отца не было. Но Ибрагим от грустных мыслей постоянной работой. Критически осмотрев жилище, он пришел к выводу, что во втором зале вместо топчана можно соорудить настоящий китайский кан, и тогда зима не страшна. Только нужны дрова и еда. Вот с едой было хуже. Он решил нарушить запрет отца и стал обследовать другие ящики. Боже! Там был целый склад оружия. Несколько винтовок, люис и даже новенький маузер. В других ящиках он нашел патроны и несколько гранат. Отдельно лежали карты и несколько книг в кожаных переплетах. Открывать он их не стал. Надо было разобраться с оружием и сходить на охоту. Раньше ему приходилось разбирать и чистить винтовки, несколько раз их активистов вывозили на стрельбище. Но там командовали только китайские инструкторы, которые с явным недовольством разъясняли уйгурским активистам правила обращения

и стрельбы. Теперь Ибрагим под новым углом рассматривал взаимоотношения с китайцами. Как он не замечал их плохо скрываемое презрение к уйгурам и другим местным жителям. Поведение китайских солдат было похоже на поведение оккупантов, полное презрение к местным обычаям. Запрет на посещение мечетей, гонения на имамов, непонимание или нежелание понять, что китайская еда неприемлема для мусульман.

Ибрагим пытался понять, откуда старый отец узнал об этом месте. И топливо, и оружие, даже горячая вода! Неужели он был контрабандистом? В детстве ходили слухи, что под Тянь-Шанем прорыты туннели, и дунгане, извечные торговцы, легко проходили к берегам Иссык-Куля, где выращивали опиный мак. Но это было похоже на детские сказки. Нет, на отца непохоже. А вдруг он был грабителем, или помогал приходящим бандитам- братьям Джантаю и Джакшылыку Омановым из Киргизии. Бандиты грабили еще с дореволюционных в СССР времен. Ходили слухи о зверствах этой банды. Они не пропускали в Китай бедных киргизов, которые бежали в Китай через перевал Ашу-Тор, если у тех не было какого-либо подношения. Так они и замерзли на перевале. Это произошло в 1916 году, после азиатского восстания.

Уже потом, после установления советской власти, басмачи немного притихли, хотя грабительские набеги продолжались по обе стороны границы почти до войны. Может, у них отец научился стрелять из винтовки, слишком хорошо для простого кузнеца. А это место служило некой перевалочной базой. То же непохоже. Оружие-то времен последней войны. И ведь казахи легко согласились ему помочь. Значит, они давно были знакомы. Чабаны обязаны сообщать властям о появлении в горах подозрительных личностей и т. д. Но они пошли навстречу — накормили, напоили, подсказали как быстрее добраться до горячего источника. В конце концов, он решил напрямую спросить отца. Растопив печь, он заплакал — душила обида. Как же так? Почему он как преступник должен прятаться в своей стране? Должна же быть справедливость на этом свете! Ведь он сам горячо верил, что наступит эпоха счастья и справедливости. Он сам призывал своих земляков вступать в коммуны, чтобы сообща строить социализм, самое справедливое общество на земле. Кто-то не хотел вступать в коммуну, другие запрещали своим детям вступать в пионеры и комсомол, третьи отказывались от субботников. Он горячился, рассказывал о будущем коммунистическом рае. Конечно, провал с домной несколько остудил его пыл, но он продолжал верить, что народ под руководством КПК решить возникшие проблемы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.